EPISTEMOLOGICAL STUDIES IN PHILOSOPHY, SOCIAL AND POLITICAL SCIENCES
ISSN 2618-1274 (Print), ISSN 2618-1282 (Online)
Journal home page: https://visnukpfs.dp.ua/index.php/PFS/index

ФІЛОСОФІЯ

Олександр Володимирович Михайлюк
Доктор історичних наук, професор
Завідувач кафедри документознавства та інформаційної діяльності
Національна металургійна академія України
Пр. Гагаріна, 4, Дніпро, 49600, Україна

Oleksandr Mykhailiuk
D.Sc. (Historical Sciences), Professor
Department of Business Documentation Management and Information Activity
National Metallurgical Academy of Ukraine
Gagarina ave., 4, Dnipro, 49600, Ukraine

E-mail: mich_al@ukr.net, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3596-0250

УДК 930.1

ИСТОРИЯ КАК УМОЗРИТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПРОШЛОГО

Received 13 August 2019; revised 23 September 2019; accepted 21 October 2019
DOI: 10.15421/351922

Аннотация

История рассматривается как знание о прошлом. Рассматривается проблема объекта исторической науки. Ставится вопрос о «реальности» прошлого, о соотношении прошлого и реальности, о возможности «науки о прошлом» и возможности прошлого выступать объектом исторической науки. Рассматривается взаимосвязь между прошлым и настоящим. Настоящее выступает основой для познания прошлого. Современность является точкой отсчета, отбор и осмысление прошлых событий всегда происходит с точки зрения современности. Всякое познание осуществляется через посредство знаков. Функция познания состоит в накладывании на мир сети обозначений. Выработка новых знаний рассматривается как семиотический процесс. Понятия «реальность» и «знание» тесно сопряжены друг с другом. Знание не только описывает реальность, оно также конструирует ее. Знание (в том числе, историческое) культурно обусловлено. История как наука понимается как продуцирование новых знаний на базе переработки информационных массивов о прошлом. Глубина понимания в конечном счете зависит не столько от информации, сколько от свойств интерпретатора. Сущность научного метода - замена реального объекта его моделью. История как наука о прошлом, как знание о прошлом выступает как мыслительная конструкция, как умозрительная модель прошлого.

Ключевые слова: история, знание, прошлое, информация, модель, интерпретация.

History as a speculative model of the past

Abstract

History is regarded as knowledge of the past. Considers the problem of the object of historical science. The question is about the "reality" of the past, the relationship between the past and reality, about the possibility of "the science of the past" and the challenges of the past to act as the object of historical science. Examines the relationship between past and present. The present is the basis for the knowledge of the past. Modernity is a point of reference, selection and interpretation of past events always occur from the point of view of modernity. Discusses the question of the relationship between everyday and scientific knowledge, of history and "historical memory". There are Parallels between everyday knowledge and historical memory. Historical memory is seen as a social construct, not even knowledge, but a kind of symbol, the base identity of a social group, a sign of the difference between "their" and "strangers". The scientific study of the past linked to the problematization of "obvious" in everyday knowledge, in the "historical memory". All knowledge is carried out through signs. The function of cognition consists in the superimposition of the world network of signs. To develop new knowledge is seen as a semiotic process. The concepts of "reality" and "knowledge" are closely connected with each other. Knowledge not only describes reality, it also constructs it. Knowledge (including historical) culturally mediated. The history of science is understood as the production of new knowledge on the basis of processing of information arrays about the past. Depth of understanding ultimately depends not so much on information as to the properties of the interpreter. The essence of the scientific method is the

© О.В. Михайлюк, 2019. All rights reserved. (cc) BY

replacement of a real object with its model. History as a science of the past, as knowledge of the past acts as a mental construct, as a speculative model of the past. There is a possibility of instrumentalization of history. Historical knowledge included in the system of political and legal argumentation. Various political forces often consider history only as a means to validate and justify their current policy.

Key words: history, knowledge, past, information, model, interpretation.

Історія як умоглядна модель минулого

Анотація

Історія розглядається як знання про минуле. Розглядається проблема об'єкта історичної науки. Ставиться питання про «реальність» минулого, про співвідношення минулого і реальності, про можливість «науки про минуле» і можливість минулого бути об'єктом історичної науки. Розглядається взаємозв'язок між минулим і сьогоденням. Сучасність постає основою для пізнання минулого. Сучасність є точкою відліку, відбір і осмислення минулих подій завжди відбувається з пгляду сучасності. Будь-яке пізнання здійснюється за посередництвом знаків. Функція пізнання полягає в накладанні на світ мережі позначень. Вироблення нових знань розглядається як семіотичний процес. Поняття «реальність» і «знання» тісно пов'язані між собою. Знання не тільки описує реальність, воно також конструює її. Знання (в тому числі, історичне) культурно обумовлене. Історія як наука розуміється як продукування нових знань на базі переробки інформаційних масивів про минуле. Глибина розуміння в кінцевому рахунку залежить не стільки від інформації, скільки від властивостей інтерпретатора. Сутність наукового методу - заміна реального об'єкта його моделлю. Історія як наука про минуле, як знання про минуле постає як розумова конструкція, як умоглядна модель минулого.

Ключові слова: історія, знання, минуле, інформація, модель, інтерпретація.

Постановка проблемы.

Современные авторы констатируют «радикальное переосмыслении базовых исходных аксиом историописания», отмечают взрывное «обольщение истории эпистемологией» [Историки в поисках 2019: 19, 22]. При этом «методологически информированный историк» испытывает недоверие (и сомнение) к традиционной концепции исторической работы как сбора и анализа (предпочтительно архивной) информации об объекте изучения [Кукарцева & Коломоец 2007: 26]. Впрочем, по словам К.Манхейма, сама по себе эпистемология является выражением того, что пошатнулась вера не только в одну определенную истину, но и в истину как таковую, и в человеческую возможность к познанию [Манхейм 2000: 142].

С другой стороны, отмечается, что внутри исторической дисциплины эпистемологию как дискурс нередко рассматривают как претенциозную болтовню, маскирующую отсутствие реальных результатов. «Практикующие историки», в своем большинстве, традиционно не испытывают особой тяги к занятиям теорией [Историки в поисках 2019: 22, 32].

Анализ литературы.

Непосредственно эпистемологическим и методологическим проблемам исторической науки посвящены работы Ф.Р.Анкерсмита, А.Я.Гуревича, И.Д.Ковальченко, Е.Н. Коломоец, Н.Е.Копосова, М.А.Кукарцевой, А.Мегилла, Е.В.Мишаловой, А.Про, А.В.Полетаева, Л.П.Репиной, И.М. Савельевой, Д.Тоша и др. Из украинских авторов стоит назвать Л.А. Зашкильняка, Г.В.Касьянова, Н.Н.Яковенко.

Цель данной статьи – рассмотреть эпистемологическую ситуацию в исторической науке, обосновать собственное видение процесса выработки знаний о прошлом исторической наукой.

Изложение основного материала.

Историю называют «наукой о прошлом», объектом познания исторической науки считается прошлое [см. Ковальченко 187: 114]. Хотя, как писал М.Блок, «сама мысль, что прошлое как таковое способно быть объектом науки, абсурдна» [Блок 1986: 17]. В этой связи возникает вопрос, является ли вообще история наукой. С другой стороны, трудно представить себе науку, абстрагирующуюся от времени. Т.н. «исторический» метод используется не только историками, но и представителями самых различных естественных и общественных наук. Практически все науки – от астрономии до медицины – рассматривая

нынешнее состояние объекта своего исследования, не могут избежать проблем его становления. Так или иначе они должны обращаться к изучению прошлых состояний объектов своих исследований. В естествознании научное объяснение, по сути, представляет собой установление всеобщей связи временной последовательности событий. Состояние системы по определенному закону детерминировано ее прошлым [Тищенко 2008: 316]. К.Маркс и Ф.Энгельс писали: «Мы знаем только одну единственную науку, науку истории. Историю можно рассматривать с двух сторон, её можно разделить на историю природы и историю людей» [Маркс & Энгельс: 16, прим.].

Считается также, что объектом исследования истории является не прошлое как таковое, а человеческое общество или отдельные сообщества (нации, государства, сословия, классы, локальные группы и т.п.). «Поскольку исторический человек – это человек, который живет, трудится и говорит, постольку всякое содержание истории отправляется от психологии, социологии, наук о языке. И наоборот, поскольку человеческое существо становится насквозь историческим, никакое анализируемое гуманитарными науками содержание не может оставаться замкнутым в себе, избегая движения Истории» [Фуко 1996: 370]. Историки, как считают И.М.Савельева и А.В.Полетаев, изучают не «прошлое» и не «время», а человеческие действия в прошлом (элементы прошлой социальной реальности). При этом историческое знание является по своей природе общественно научным (рациональным эмпирико-теоретическим знанием о социальной реальности) [Савельева & Полетаев 2000].

Впрочем, это создает дополнительные трудности как объективного, так и субъективного порядка. Говоря об особенностях предметной области социогуманитарного познания, обычно указывают на сознание и свободную волю людей – исторических акторов; на неповторимость обстоятельств исторических ситуаций; на множественность и крайнюю изменчивость причинных факторов; на неустранимую случайность и пр. Явления, понятые и описанные как абсолютно уникальные и неповторимые, в принципе не могут получить теоретического объяснения, которое по определению обладает общностью.

Взаимодействие исследователя с его объектом – базовая составляющая акта познания – особенно актуальна для истории. М. Полани писал: «Всякая попытка полностью исключить человеческую перспективу из нашей картины мира неминуемо ведет к бессмыслице…» [Полани 1985: 20]. История неотделима от историка, более того - «нет истории, есть историки». Интерпретация зависит от свойств интерпретатора. Субъектность историка всегда вписана в его работу, которая включена во множество контекстов его социализации и профессионального становления [Историки в поисках новых перспектив 2019: 15]. Восприятие истории субъективно, зависит от интересов различных людей. Ситуации постмодерна, связанной с предельной субъективизацией социальной и культурной жизни, соответствует субъективизация знания.

Нельзя отождествлять знание об объекте и сам объект. Обычно нет необходимости так настойчиво подчеркивать то обстоятельство, что объект изучения – это одно, а само изучение – другое. Достаточно очевидно, что физический мир – это не физика и что «Комментарий к «Поминкам по Финнегану» – это не «Поминки по Финнегану» [Гирц 2004: 22-23]. Т.е., можно сказать, что прошлое – это не история.

Б.А.Успенский выделяет по меньшей мере два смысла термина «история» – под «историей» может пониматься либо res gestae, т.е. совокупность происшедших событий, либо historia rerum gestarum, т.е. повествование о происшедшем, своего рода нарративный текст [Успенский 1996: 10]. Впрочем, на мой взгляд, ни то, ни другое понимание нельзя назвать исчерпывающим, даже правильным. История – это, прежде всего, знание о прошлом, которое может быть представлено в форме повествования, нарративного текста. В какой-то мере можно согласиться с мыслью, что исторический нарратив (повествование) может быть эксплицирован в качестве формы организации и репрезентации историческо-

го знания, функционально аналогичной теории в естественных и точных дисциплинах, воплощающей в себе специфические стандарты научности историко-гуманитарного познания [Мишалова 2012: 158], подчеркнув при этом, что нарратив – это лишь форма организации и репрезентации исторического знания. История – это «упорядоченная версия знаний и представлений о прошлом» [Касьянов: 2]. История определяется как особый вид знаний, а именно – научных знаний о прошлой социальной реальности [Савельева, Полетаев 2000].

Аристотель признавал многообразие типов знания (эпистеме, докса, пистис, техне, эмпейриа и т.п.). Всякий тип знания может быть содержательно охарактеризован только как элемент целостного культурно-исторического комплекса (науки, техники, религии, мифа, магии). Поэтому исчерпывающая типология знания фактически совпадает с историей культуры [Касавин 2009: 247]. Знания принято разделять на обыденное и научное. Обыденное знание служит основой ориентации в окружающем мире, основой повседневного поведения. Обыденное знание поверхностно («очевидно»), опирается на т.н. «здравый смысл» (общепринятые стереотипы), не выходит за рамки повседневной практической деятельности. Считается, что это знание не всегда вербализировано и отчасти существует в чувственных образах и наглядных представлениях о вещах и явлениях. Обыденное знание относится к отдельным предметам и явлениям, оно не проникает в суть вещей, носит обрывочный и фрагментарный характер [Никифоров 2004]. Зачастую научные факты противоречат тому, что принято на уровне обыденного знания.

В случае с историей как знанием о прошлом некоторые параллели можно провести между обыденным знанием и т.н. «исторической памятью». История, конечно, тесно связана с памятью, поскольку у них один объект – прошлое (или социальная реальность в прошлом). Но история – это не память. Современные авторы пишут о необходимости разводить историю как науку и историю как память (А. Мегилл) и о конкуренции между историей и памятью [Историки в поисках 2019: 7-8].

Как и любая форма сознания, память актуальна, но становится таковой лишь в силу своей способности воспринимать прошлое в качестве прошлого – иначе мы имели бы дело не с памятью, а с галлюцинацией. Память – это актуальное осознание того, чего больше нет, в силу того, что оно было [Конт-Спонвиль 2017]. Т.о., память имеет свое оправдание и обоснование в прошлой реальности (реальности прошлого). И таким образом память подтверждает реальность прошлого, вернее, то, что оно таки было. Но «память – область мрака, ей нельзя доверять» [Мегилл 2007: 167]. Память о прошлом может быть индивидуальной и коллективной. Индивидуальная память – это зафиксированный индивидуальный непосредственный опыт человека. Опыт фиксируется в памяти, однако возможности человеческого опыта и памяти в этом отношении весьма ограничены – во временном и пространственном охвате, как в плане восприятия, так и в плане адекватного воспроизведения. Непосредственное наблюдение, по словам М.Блока – почти всегда иллюзия, и как только кругозор наблюдателя чуть-чуть расширится, он это понимает. Все увиденное состоит на добрую половину из увиденного другими [Блок 1986: 31] «Люди бывают неспособны заметить разницу между тем, что они действительно видели, и тем, о чем они только слышали. Они иногда вкладывают в то, что считают своими собственными воспоминаниями, ту информацию, которая стала доступной им позднее» [Мегилл 2007: 96].

Еще для древних греков процесс запоминания и забывания заключал в себе Мнемозину и Лесмозину, которые воспринимались как равные и не существующие друг без друга. Забывание – одна из функций памяти, а искажение – свойство памяти. Забывание часто рассматривается как метафора социальных стратегий, которые «проявляются в целесообразном отборе того, что следует помнить и о чем забыть» [Брагина 2007: 135]. Забывание рассматривается как решающий фактор при формировании нации. В конечном счете, лю-

бой политтехнолог имеет дело с коммуникативными технологиями памяти и забывания [Клюканов 2012: 16].

Л.Февр писал: «Постараемся отделаться от иллюзий. Человек не помнит прошлого – он постоянно воссоздает его» [Февр 1991: 21]. Память актуализируется с помощью воспоминания, которое очень похоже на процесс воображения [Герасимов 2017]. Устная история – запись того, чему свидетелями были те или иные лица, «отражает живую связь между прошлым и настоящим, между индивидуальными воспоминаниями и народной традицией, между «историей» и «мифом». Одним словом, устная история – это сырье для социальной памяти» [Тош 2000: 273]. Устная история замечает А.Я.Гуревич, «очень специфический феномен, поскольку доверять устным рассказам можно только после внимательной, вдумчивой, всесторонней критики этих сообщений как возможного исторического источника» [Гуревич 1997: 234]. Индивидуальный опыт субъективен, неполон, отрывочен, непроверяем, не всегда достоверен. В общем, этот опыт не имеет общезначимости и, по существу, мало что доказывает. Другое дело коллективная память. Коллективная память формируется не столько стихийно, как совокупность индивидуальных воспоминаний, сколько целенаправленно. Коллективная память – это социальный конструкт. «Историческая память» – это целенаправленно сконструированный средствами исторической политики относительно устойчивый набор взаимосвязанных коллективных представлений о прошлом группы, кодифицированный и стандартизированный в общественных, культурных, политических дискурсах, мифах, символах, мнемонических и комеморативных практиках [Касьянов 2016: 1]. И.М.Савельева и А.В.Полетаев вполне обосновано относят «историческую память» к разряду идеологизированной истории [Савельева & Полетаев 2005]. «Историческая память» – это, скорее даже не знание, а своего рода символ, основание идентичности социальной группы, знак различия – между «своими» и «чужими». Это образы, впечатления, совокупность убеждений, не основанных на логике, без какого-либо подтверждения. Идентичность должна апеллировать к исторической достоверности, но ей не обязательно быть достоверной [Савченко 2017: 35]. Социальная память остается важнейшим инструментом поддержания политически активной идентичности [Тош 2000: 14]. Отсюда постоянно возникающие конфликты индивидуальных, коллективных и исторических «памятей» – как на уровне отдельных личностей, так и на уровне социальных и этнических групп, наций и государств. За этими конфликтами чаще всего стоят элементарные конфликты интересов. «Историческая память» служит, главным образом», оправданию и обоснованию современной политики. «Требование помнить прошлое правильным способом звучит весьма настойчиво, и ожидается, что историки будут здесь выполнять свою часть работы в угоду тем, кто им платит, и тем, кто чувствует, что их собственные политические, социальные и культурные «императивы» должны быть защищены» [Мегилл 2007: 93].

И.М.Савельева и А.В.Полетаев исходят из «социологического значения, согласно которому слово «знание» является синонимом коллективных представлений о чем-либо» [Савельева & Полетаев 2003: 115]. «Иногда знание трактуется как представления или мнения, коллективно признаваемые истинными, однако этот подход выглядит ограниченным. Признание тех или иных мнений в качестве знания, скорее, должно интерпретироваться в терминах модальностей, выражающих более разнообразные способы оценки высказываний (правильное, хорошее, нужное и т.д. Поэтому точнее говорить о знании не как о мнениях, признаваемых истинными, а как о мнениях, просто признаваемых некоей группой» [Савельева & Полетаев 2003: 135]. Но при таком подходе игнорируется критерий истинности знаний. «Историческая память» и история как наука приобретают, собственно, одинаковый статус. «Просто признаваемыми некоей группой» могут быть и искренние заблуждения, и нецеленаправленные искажения, и заведомая ложь.

Знание о глубинной структуре предметов и явлений, об их существенных взаимосвязях дает наука. Наука претендует на выработку объективных, системно организованных и обоснованных знаний о мире. Научное знание отличается систематичностью и опирается на целенаправленные познавательные процедуры. Наука претендует на то, чтобы представлять человеку мир «таким, как он есть». Научное изучение прошлого связано с проблематизацией «очевидностей» в обыденном знании, в «исторической памяти»: того, что в ней кажется неоспоримым.

Но сами историки часто выступают в роли мифотворцев, разрушая один миф, создают другой. Стало уже правилом «хорошего тона» упрекать историков, чаще всего вполне заслуженно, в коньюнктурщине, политической заангажированности, мифотворчестве или, по крайней мере, в неоправданных претензиях на истинность и объективность и т.п. Историки делают историю такой, какой ее хотят видеть [Савченко 2017: 36]. Здесь имеется в виду то, что историки выполняют социальный заказ. «…В конце концов историк создает тот тип истории, который требует от него общество; иначе оно от него отвернется. … И если историк не отвечает этим запросам, он замыкается в некоем академическом гетто» [Про 2000: 318]. В этой связи весьма актуальной становится проблема выживания истории как науки (см. [Репина 2012: 8]). В очередной раз актуализировалась проблема политической ангажированности исторического познания. Отсюда возникают и такие парадоксальные определения: «история – это наука о прошлом, связанная с политической конъюнктурой» [Историки в поисках 2019: 29] – в этом плане известное определение, приписываемое М.Н.Покровскому, «история – это политика, опрокинутая в прошлое», выглядит гораздо более корректным. Впрочем, приспособленчество – качество не профессиональное, а личностное и гражданское. Здесь уместно вспомнить слова К.Маркса: «Но человека, стремящегося *приспособить* науку к такой точке зрения, которая почерпнута не из самой науки (как бы последняя ни ошибалась), а *извне*, к такой точке зрения, которая продиктована *чуждыми* науке, *внешними* для нее интересами, – такого человека я называю “*низким*”» [Маркс: 125.].

Но вопрос даже не в этом. Вопрос в том, как сами историки могут и *способны* «видеть» прошлое и продуцировать знание о прошлом (историю).

Стали общим местом рассуждения о кризисе исторической науки, звучащие в общем контексте критики науки как таковой. Это касается понимания предмета исторической науки, ее содержания, проблематики, методов исследования и, в конечном счете, ее профессионально-научного и социального статуса. В этой связи возникает вопрос о необходимости защиты истории как науки. «Историю надо защищать от тех, кто отрицает ее способность помочь нам понять мир, и защищать потому, что новые открытия науки изменили первоочередные цели и задачи историографии» [Хобсбаум 2009].

Кризис классической науки нашел выражение в кризисе традиционных гносеологических представлений, о чем и свидетельствуют дискуссии вокруг понятий знание, истина, реальность. Современные дебаты об историческом знании сосредоточены вокруг проблемы не-наличествующего прошлого, т.е. о возможности достигнуть знания о том, что больше не существует [Кукарцева & Коломоец 2007: 29]. Прошлое (поскольку оно осмысливается как таковое), в отличие от настоящего, не поддается непосредственному, чувственному восприятию. Поскольку прошлое принадлежит чужому опыту, само его существование в каких-то случаях может подвергаться сомнению: характерным образом может возникать сомнение в том, действительно ли существовали те или иные люди, на самом ли деле происходили те или иные события [Успенский 1996: 21]. И.Д.Ковальченко указывает на ряд проблем, связанных с историческим познанием, в частности, насколько объект исторического познания, прошлое человечества являются реальным и в какой мере в этой связи историческое познание подчинено общим принципам научного познания и обладает чертами, присущими этому познанию, или же оно является особым видом знания [Коваль-

ченко 1987: 104].

Концептуализация различения прошлого и настоящего остается предметом дискуссий со времен Аристотеля по сей день. Само понятие «прошлого» и его отличие от «настоящего» до сих пор остаются не вполне определенными [Савельева & Полетаев 2003: 135]. Впрочем, понятие «настоящего» является в такой же мере «недостаточно определенным», как и понятия «прошлого» и «будущего», с которыми оно нераздельно связано. Сегодняшний исторический объект характеризуется неуловимостью и прозрачностью, делающими проблематичным разграничение прошлого и настоящего [Анкерсмит 2009: 264].

В целом среди философов, как пишет Г. Герасимов, преобладает скептическое отношение к реалистичности прошлого, хотя этот тезис не представляется бесспорным. Сам же Г.Герасимов считает, что прошлого как объективной реальности не существует. Оно существует лишь как «субъективная реальность, как феномен сознания, который человек воспринимает, как прошлое». «Историческая реальность может существовать только, как метафора … прошлое реально существует только в сознании историка»[Герасимов 2017].

Почти с таким же успехом мы можем утверждать, что нет не только прошлого, а нет и реальности вообще, она существует только в нашем сознании. Реальность тоже можно рассматривать как ментальную конструкцию, гипотезу. «В современной философии, наверное, нет понятий, которые употреблялись бы чаще, чем понятия «реальность», «реальный» или «реалистический». В то же время, пожалуй, нет и более неясных, многозначных и трудноэксплицируемых концептов, чем вышеназванные» [Демина & Пржиленский 2017]. Реальность не сводится к чувственному опыту. «Реальность лежит за пределами наблюдаемого и поэтому скорее выводится, чем воспринимается» [Maslow 1966: 74].

Понятия реальность и знание тесно сопряжены друг с другом. Знание понимается как адекватное описание реальности. Но знание не только описывает окружающий нас мир, оно также конструирует его [Никифоров 2018]. П. Бергер и Т. Лукман определяют «реальность» как качество, присущее феноменам, иметь бытие, независимое от нашей воли и желания (мы не можем «от них отделаться»), а «знание» – как уверенность в том, что феномены являются реальными и обладают специфическими характеристиками [Бергер & Лукман 1995: 9]. Согласно П.Бергеру и Т.Лукману, реальность социально конструируется, знание «превращается» в реальность.

Прошлое всегда присутствует в настоящем. «Непосредственное бытие, нечто, существовавшее в процессе развития, становится бытием опосредованным, аккумулируется в существующем, присутствует в нем в так называемом снятом виде» [Ковальченко 1987: 108]. «Вопреки широко бытующему мнению, – пишет А.Конт-Спонвиль, – прошлое ни на что не воздействует: воздействуют его следы или актуальные последствия (которые принадлежат не прошлому, но настоящему). ... Всякое прошлое истинно (ложь о прошлом или историческая ошибка принадлежат не прошлому; это настоящее); никакое прошлое не реально (если бы оно было реальным, оно не было бы прошлым). Но поскольку всякая истина по определению есть настоящее, постольку можно сказать, что прошлое есть ничто: ведь оно прошло, а истина непреходяща. Следовательно, существует только настоящее, и в настоящем существует истина о том, что было. Существует только вечность» [Конт-Спонвиль 2012].

Выводы.

Прошлое все же не мыслительная конструкция и не феномен сознания. Реальны не только вещи, существующие только здесь и сейчас, но и процессы, и отношения, имеющие такое качество как длительность – т.е. прошлое. Прошлое не надо путать с памятью и/или знанием. Прошлое может не оставить своих следов (остатков). Мы можем о нем ничего не помнить и не знать. Прошлое было таким, как было, и изменить его никак нельзя. В этом отношении оно объективно. Как мы его будем воспринимать – это уже другой вопрос. Наше восприятие прошлого, знание, незнание или заблуждение не влияет на объективность прошлого – скорее это влияет на субъективное восприятие настоящего. Мыслительной

конструкцией являются именно знания о прошлом, как в виде истории, так и в виде «исторической памяти». Как, собственно, любая наука и любое знание являются мыслительными конструкциями. Историк не создает прошлого, он формирует знание о прошлом, а знание – это продукт человеческого познания, образ минувшего, но не само прошлое.

Вопрос также состоит в том, что именно в этом гипотетическом прошлом историк изучает/конструирует, что он выделяет как предмет своего исследования. Любой исследовательский объект для историка - это интеллектуальный конструкт. Объект исторического познания выступает в новом толковании не как нечто внешнее к познающему субъекту, а как то, что конструируется языковой и дискурсивной практикой [Историки в поисках 2019: 34].

Предмет знания формируется самим знанием. Если прошлое «каким оно, собственно, было» выступает как объект исторического исследования, то предметом является тот образ прошлого, который возникает перед умственным взором историка, «который в результате наших настойчивых усилий создается из дошедших до нас посланий исторических источников» [Гуревич 1996: 84-85]. Парадокс науки в том, что определяя свой предмет, она доопределяет и конструирует объект исследования [Домбровская 2014]. Предмет познания определяется познавательными способностями историка и согласуется с потребностями современности. Познание, в том числе историческое, исторически обусловлено. «История организует прошлое в зависимости от настоящего» (Л.Февр). Возникает даже впечатление, что исторические работы в большей мере отражают время их написания, чем исследуемое ими время. Но, с другой стороны, знания о прошлом – либо в форме «исторической памяти», либо в форме исторической науки – являются важным фактором формирования настоящего.

Библиографические ссылки

Анкерсмит, Ф.Р. (2009). История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Канон+.

Бергер, П. & Лукман, Т. (1995). Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум.

Блок, М. (1986). Апология истории, или Ремесло историка. Издание 2-е, дополненное. М.: Наука.

Брагина, Н.Г. (2007). Память в языке и культуре. М.: Языки славянских культур.

Герасимов, Г.И. (2017). Прошлое как объект истории. *Genesis: исторические исследования,* 10, 1–19. DOI: 10.25136/2409-868X.2017.10.24068

Гирц, К. (2004). Интерпретация культур. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН).

Гуревич, А.Я. (1998). Апории современной исторической науки – мнимые и подлинные. *Одиссей: Человек в истории.* 1997. М.: Наука. С. 232-250.

Гуревич, А.Я. (1996). Территория историка. *Одиссей: Человек в истории*. М., 1996. С. 81-109.

Демина, Л.А. & Пржиленский, В.И. (2017). Знание. Общество. Смысл: монография. М.: Проспект.

Домбровская, И. С. (2014). Юмор в контексте развития. [Электронный ресурс]. Режим доступа http://psy.su/mod_files/additions_1/fle_file_additions_1_3060.pdf

Историки в поисках новых перспектив. (2019). (ред. Чеканцева, З.А.). М.: Аквилон.

Касавин, И.Т. (2009). Знание. *Энциклопедия эпистемологии и философии науки.* М.: «Канон+».

Касьянов, Г. (2016). К десятилетию Украинского института национальной памяти (2006–2016). *Historians.in.ua* [Электронный ресурс]. Режим доступа http://www.historians.in.ua/index.php/en/dyskusiya/1755-georgij-kas-yanov-k-desyatiletiyu-ukrainskogo-instituta-natsional-noj-pamyati-2006-2016

Клюканов, И.Э. (2012). Коммуникация и забывание: Переоценка ценностей. *Ценности и коммуникация в современном обществе.* СПб.: Изд-во Политехн. ун-та. С. 16-22.

Ковальченко, И.Д. (1987). Методы исторического исследования. М.: Наука.

Конт-Спонвиль, Андре. (2012). Философский словарь. М.: ООО «Издательство «Этерна».

Кукарцева, М.А. & Коломоец Е.Н. (2007). Эпистемология и онтология истории. *Вестник Московского университета*. Серия 7: Философия, № 1. С. 24-35.

Манхейм, К. (2000). Эссе о социологии культуры. Манхейм К. *Избранное: Социология культуры.* М.; СПб.

Маркс, К. & Энгельс, Ф. Немецкая идеология. *Маркс К. и Энгельс Ф., Соч.,* 2 изд., т. 3.

Маркс, К. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»). Часть вторая (главы VIII-XVIII). К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 26. Ч. II.

Мегилл, А. (2007). Историческая эпистемология: Научная монография. М.: «Канон+».
Мишалова, Е.В. (2012). Исторический нарратив как форма организации и репрезентации исторического знания. *Эпистемология & философия науки,* Т. XXXI. № 1. С. 157-172.
Никифоров, А.Л. (2004). Знание. *Философия: Энциклопедический словарь* (Под ред. А.А. Ивина). М.: Гардарики.
Никифоров, А.Л. (2018). Знание и реальность. [Электронный ресурс]. Режим доступа https://iphras.ru/uplfile/socep/al_znanie.pdf (Дата обращения 10.12.18)
Полани, М. (1985). Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.
Про, А. (2000). Двенадцать уроков по истории. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т.
Репина, Л. (2012). Ситуация в современной историографии: общественный запрос и научный ответ. *Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы.* М.: ЛКИ, С. 5–13.
Савельева, И.М. & Полетаев, А.В. (2005). «Историческая память»: к вопросу о границах понятия. *Феномен прошлого.* М.: ГУ–ВШЭ. С.170–220. [Электронный ресурс]. Режим доступа https://istorex.ru/page/saveleva_im_a_v_poletaev_av_istoricheskaya_pamyat_k_voprosu_o_granitsakh_ponyatiya
Савельева, И.М. & Полетаев, А.В. (2003). Знание о прошлом: теория и история: В 2т. Т.1: Конструирование прошлого. СПб.: Наука.
Савельева, И. & Полетаев, А. (2000). История как знания о прошлом. *Логос*, 2 (23). С. 39-74. [Электронный ресурс]. Режим доступа https://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_2/06.html
Савченко, С.В. (2017). Историография как форма ложных воспоминаний. *Δόξα / Докса,* 1(27). С. 31-43.
Тищенко, П.Д. (2008). Идея модели и пред(о)ставляющее «Да будет!». *Системы и модели: границы интерпретаций:* сб. тр. Всероссийской научной конференции с международным участием. Москва–Томск, 5-7 ноября 2008 г. Томск: ТГПУ. С. 311-326.
Тош, Д. (2000). Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. Пер. с англ. М: «Весь Мир».
Успенский, Б.А. (1996). Избранные труды. Том I. М.: Школа «Языки русской культуры».
Февр, Л. (1991). Бои за историю. М.: Наука.
Фуко, М. (1996). Археология знания. К.: Ника-Центр.
Хобсбаум, Э. (2009). В защиту истории. Скепсис. Режим доступа https://scepsis.net/library/id_2342.html
Maslow, A. (1966). The Psychology of Science: A Reconnaisance. N.Y.

References

Ankersmit, F.R. (2009). Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metafory [History and Tropology: The Rise and Fall of a Metaphor]. M.: Kanon+. (In Russian).
Berger, P. & Lukman, T. (1995). Socialnoe konstruirovanie realnosti. Traktat po sociologii znaniya [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. M.: Medium. (In Russian).
Blok, M. (1986). Apologiya istorii, ili Remeslo istorika [Apology of history, or craft of the historian]. Izdanie 2-e, dopolnennoe. M.: Nauka. (In Russian).
Bragina, N.G. (2007). Pamyat v yazyke i culture [Memory in language and culture]. M.: Yazyki slavyanskih kultur. (In Russian).
Gerasimov, G.I. (2017). Proshloe kak obekt istorii [The past as an object of history]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*, 10, 1–19. DOI: 10.25136/2409-868X.2017.10.24068 (In Russian).
Girc, K. (2004). Interpretaciya kultur [Interpretation of cultures]. M.: «Rossijskaya politicheskaya enciklopediya» (ROSSPEN). (In Russian).
Gurevich, A.Ya. (1998). Aporii sovremennoj istoricheskoj nauki – mnimye i podlinnye [The aporias of modern historical science are imaginary and true]. *Odissej: Chelovek v istorii.* 1997. M.: Nauka. S. 232-250. (In Russian).
Gurevich, A.Ya. (1996). Territoriya istorika [Territory of the historian]. *Odissej: Chelovek v istorii.* M., 1996. S. 81-109. (In Russian).
Demina, L.A. & Przhilenskij, V.I. (2017). Znanie. Obshestvo. Smysl [Knowledge. Society. Meaning]: monografiya. M.: Prospekt. (In Russian).
Dombrovskaya, I.S. (2014). Yumor v kontekste razvitiya [Humor in the context of development]. Retrieved from http://psy.su/mod_files/additions_1/fle_file_additions_1_3060.pdf (In Russian).
Istoriki v poiskah novyh perspektiv. (2019). [Historians in search of new perspectives]. Kollektivnaya monografiya. (red. Chekanceva, Z.A.). M.: Akvilon. (In Russian).
Kasavin, I.T. (2009). Znanie [Knowledge]. *Enciklopediya epistemologii i filosofii nauki.* M.: «Kanon+» (In Russian).
Kasyanov, G. (2016). K desyatiletiyu Ukrainskogo instituta nacionalnoj pamyati (2006–2016) [To the Decade of the Ukrainian Institute of National Memory (2006-2016)]. Historians.in.ua Retrieved from

http://www.historians.in.ua/index.php/en/dyskusiya/1755-georgij-kas-yanov-k-desyatiletiyu-ukrainskogo-instituta-natsional-noj-pamyati-2006-2016 (In Russian).
Klyukanov, I.E. (2012). Kommunikaciya i zabyvanie: Pereocenka cennostej [Communication and forgetting: Reassessing values]. *Cennosti i kommunikaciya v sovremennom obshestve*. SPb.: Izd-vo Politehn. un-ta. S. 16-22. (In Russian).
Kovalchenko, I.D. (1987). Metody istoricheskogo issledovaniya [Methods of Historical Research]. M.: Nauka. (In Russian).
Kont-Sponvil, Andre. (2012). Filosofskij slovar [Philosophical dictionary]. M.: «Eterna». (In Russian).
Kukarceva, M.A. & Kolomoec E.N. (2007). Epistemologiya i ontologiya istorii [Epistemology and ontology of history]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 7: Filosofiya, № 1. S. 24-35. (In Russian).
Manhejm, K. (2000). Esse o sociologii kultury [Essay on sociology of culture]. Manhejm K. *Izbrannoe: Sociologiya kultury*. M.; SPb. (In Russian).
Marks, K. & Engels, F. Nemeckaya ideologiya [German ideology]. *Marks K. i Engels F., Soch.*, 2 izd., t.3. (In Russian).
Marks, K. Teorii pribavochnoj stoimosti [Theories of surplus value] (IV tom «Kapitala»). Chast vtoraya (glavy VIII-XVIII). K. Marks i F. Engels. Soch. T. 26. Ch. II. (In Russian).
Megill, A. (2007). Istoricheskaya epistemologiya [Historical epistemology]. M.: «Kanon+». (In Russian).
Mishalova, E.V. (2012). Istoricheskij narrativ kak forma organizacii i reprezentacii istoricheskogo znaniya [Historical narrative as a form of organization and representation of historical knowledge]. *Epistemologiya & filosofiya nauki*, T. XXXI. № 1. S. 157-172. (In Russian).
Nikiforov, A.L. (2004). Znanie [Knowledge]. *Filosofiya: Enciklopedicheskij slovar* (Pod red. A.A. Ivina). M.: Gardariki. (In Russian).
Nikiforov, A.L. (2018). Znanie i realnost [Knowledge and Reality]. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa https://iphras.ru/uplfile/socep/al_znanie.pdf (Data obrasheniya 10.12.18) (In Russian).
Polani, M. (1985) Lichnostnoe znanie. Na puti k postkriticheskoj filosofii [Personal knowledge. On the road to post-critical philosophy]. M. (In Russian).
Pro, A. (2000) Dvenadcat urokov po istorii [Twelve lessons on history]. M.: Rossijsk. gos. gumanit. un-t.
Repina, L. (2012). Situaciya v sovremennoj istoriografii: obshestvennyj zapros i nauchnyj otvet [The situation in modern historiography: public inquiry and scientific answer]. *Istoricheskaya nauka segodnya: teorii, metody, perspektivy.* M.: LKI, S. 5–13. (In Russian).
Saveleva, I.M. & Poletaev A.V. (2005). «Istoricheskaya pamyat»: k voprosu o granicah ponyatiya ["Historical memory": to the question of the boundaries of the notion]. *Fenomen proshlogo*. M.: GU–VShE. S. 170–220. Retrieved from https://istorex.ru/page/saveleva_im_a_v_poletaev_av_istoricheskaya_pamyat_k_voprosu_o_granitsakh_ponyatiya (In Russian).
Saveleva, I.M. & Poletaev, A.V. (2003). Znanie o proshlom: teoriya i istoriya [Knowledge of the past: Theory and history]: V 2t. T.1: Konstruirovanie proshlogo [Constructing the past]. SPb.: Nauka. (In Russian).
Saveleva, I. & Poletaev, A. (2000). Istoriya kak znaniya o proshlom [History as knowledge of the past]. *Logos,* 2 (23). S. 39-74. Retrieved from https://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_2/06.html (In Russian).
Savchenko, S.V. (2017). Istoriografiya kak forma lozhnyh vospominanij [Historiography as a form of false memories]. *Do3a / Doksa,* 1(27). S. 31-43. (In Russian).
Tishenko, P.D. (2008). Ideya modeli i pred(o)stavlyayushee «Da budet!» [The idea of a model and the premise "Let it be!"]. *Sistemy i modeli: granicy interpretacij*: cb. tr. Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Moskva–Tomsk, 5-7 noyabrya 2008 g. Tomsk: Izdatelstvo TGPU. S. 311-326. (In Russian).
Tosh, D. (2000). Stremlenie k istine. Kak ovladet masterstvom istorika [The pursuit of truth. How to master the skill of a historian]. Per. s angl. M: Izdatelstvo «Ves Mir». (In Russian).
Uspenskij, B.A. (1996). Izbrannye Trudy [Selected works]. Tom I. Semiotika istorii. Semiotika kultury [The semiotics of history. Semiotics of culture]. M.: Shkola «Yazyki russkoj kultury». (In Russian).
Fevr, L. (1991). Boi za istoriyu [Fighting for history]. M.: Nauka. (In Russian).
Fuko, M. (1996). Arheologiya znaniya [Archaeology of Knowledge]. K.: Nika-Centr. (In Russian).
Hobsbaum, E. (2009). V zashitu istorii. Skepsis [In defense of history. Skepsis]. Retrieved from https://scepsis.net/library/id_2342.html (In Russian).
Maslow, A. (1966). The Psychology of Science: A Reconnaisance. N.Y.